

ЧЕЛОВЕК В ИСКУССТВЕ

Халил КУМЫСНИКОВ

Цветок из букета первой татарской актрисы

Я был выпускником Татарской студии Государственного института театрального искусства имени А.В. Луначарского в Москве, когда на наш дипломный спектакль "Колыбельная песня" по пьесе Д. Апшяковой пришла первая татарская актриса Сахибджамал Гиззатуллина-Волжская. Это стало для всех нас, студентов, самым радостным событием. Взволнованные, мы играли с особым чувством ответственности. Хотелось показать ей, легендарной Волжской, что тот театр, которому она вместе с его родоначальниками дала жизнь, — в хороших руках и будет существовать долго. Именно такое пожелание выказала нам Сахибджамал-ханум после спектакля. Ее слова оправдались. Ш. Асфаньярова, А. Хайруллина, А. Галева, П. Исанбет, Д. Ильясов, Р. Бикчентаев, Г. Камалова и другие воспитанники стали полными мастерами татарской сцены. После спектакля — общий снимок. Педагоги сели на стулья, а мы примостились на полу, окружив педагогов. Я сидел у ног Волжской. Она подарила мне за исполнение роли профессора цветок из врученного ей букета. Эта встреча с первой татарской артисткой не меркнет в моей памяти. Она была актрисой от бога, она руководила труппой. Словом, она — личность необыкновенная.

С. Гиззатуллина-Волжская
с Г. Кариевым. 1909 г.

Сахибджамал Гиззатуллина родилась в Казани 14 (28) мая 1892 года. Ей было шесть лет, когда умерла мать. Девочку отдали в услужение казанским баям Апанаевым. Два года в их доме в Татарской слободе были очень похожи на жизнь чеховского Ваньки Жукова у сапожника Аляхина. На неоднократные просьбы туташ забрать ее отец и старшая сестра просили еще немного потерпеть. Сахибджамал вернулась домой, когда пришла пора поступать в школу.

Она пошла в русскую школу, а вечерами посещала татарский мектеб для девочек муэдзина Вахита. И уже через четыре года умела читать и писать по-русски и по-татарски. Когда ей было двенадцать, почти одновременно умерли отец и сестра. Сахибджамал оказалась предоставленной самой себе: приютившие ее люди мало интересовались судьбой сироты. Но как ни трудно было, она с подругами посещала спектакли русского драматического театра, поступила в школу танца балетмейстера Зенцовой.

На выпускном концерте Сахибджамал танцевала легко: она изображала птицу, готовую вот-вот

улететь, как бы парила в воздухе. Потом вечер продолжился в фойе.

Сахибджамал стояла в кругу своих подружек, когда к ней подошел молодой человек и пригласил на танец. Девушка охотно согласилась.

— Вы очень красиво танцевали, Сахибджамал туташ.

— Откуда вы меня знаете?

— А разве в этой шелковой программе не ваша фамилия напечатана?

— Моя. А вы — кто?

— Начинающий писатель. Зовут меня Фатих Амирхан. Будем знакомы.

Через некоторое время Фатих Амирхан пригласил Сахибджамал Гиззатуллину на спектакль труппы мусульманских актеров под руководством Ильяса бека Кудашева-Ашказарского. Девушка обещала быть, но с условием, что придет со своей лучшей подругой Фахернисой. Фатих согласился.

Спектакли оренбургской татарской труппы шли в помещении "Восточного клуба". Девушки явились задолго до начала представления. Вечер был теплый, приятный. Народу у кассы оказалось много,

С. Гизатуллина-Волжская и А. Галеева после премьеры спектакля "Гульджемал" по пьесе Н. Исанбета. 1963 г. Прототипом Гульджемал была С. Гизатуллина-Волжская.

а Фатиха эфенди нигде не было видно. Когда прозвенел третий звонок, девушки купили билеты и вошли в клуб. Спектакль уже начался...

Потом выяснилось, что Фатиха Амирхан не смог придти из-за болезни. А Сахибджамал впервые попала на татарский спектакль. Прежде она не раз посещала представления русского театра, и теперь, видя постановку на родном языке, оценивала ее с особым интересом.

Зрителей было много, они заразительно смеялись и охотно аплодировали во время самых интересных сцен. Сахибджамал же постоянно хмурилась и, не дождав-шись конца, пошла с подружкой за кулисы. Ее встретил молодой человек высокого роста.

— Тебе чего, девочка?

— Мне... мне руководителя, — выпалила Сахибджамал.

— Ну, я руководитель! Что скажешь?

— Вот что я хотела сказать... Я и моя подружка Фахерниса... Фахри, иди сюда...

Когда подружка подошла, Сахибджамал заявила довольно резко:

— Мы обе очень возмущены тем, что в вашей постановке роль девушки играет мужчина. Во-первых, он небритый, во-вторых, девушки такими не бывают, надо вести себя немного скромнее.

— А что делать? У нас в труппе нет женщин-артисток, и Бари

Болгарский охотно берется играть женские роли. Больше некому. Вот если бы ты, девушка, согласилась быть артисткой, то наш несравненный Бари стал бы играть только мужские роли.

— Мне — артисткой?

Миниатюрная Сахибджамал стояла перед руководителем татарской труппы Ильясом Кудашевым-Ашказарским.

— А можно? — смущаясь, переспросила девушка.

— Можно и нужно. Тем более, что если у Бари Болгарского будет расти борода, то придется распустить труппу. А наше дело новое. Вот вы с подружкой и посвятите себя священному делу театра. Я буду давать вам хорошие роли, и вы ни в чем не будете нуждаться.

— Я согласна, — волнуясь, сказала Сахибджамал. — Только скажите, что делать.

— Пока ничего не надо делать. Завтра с утра, в десять, приходите сюда в клуб, и я все объясню. Можете взять с собой и подружку.

Обрадованные девушки ушли из клуба, загоревшись новым делом.

На следующее утро Сахибджамал пришла в Восточный клуб одна. Ее уже ждал Кудашев-Ашказарский.

— Здравствуйте, — радостно промолвила будущая артистка.

— Доброе утро! Скажи мне, как тебя зовут и как твоя фамилия.

— Меня зовут Сахибджамал, фамилия — Гизатуллина.

— Ты у меня будешь первая артистка, но фамилию тебе придется заменить на благозвучную.

— Нет! Я Гизатуллина, как мой покойный отец. Изменять его памяти я не намерена.

— Ну, тогда прибавим к твоей фамилии еще одну.

— Согласна.

— Ты где родилась?

— Здесь, в Казани, на Волге.

— Вот и хорошо. Давай прибавим к твоей фамилии — Волжская. А? И будешь с сегодняшнего дня именоваться Гизатуллина-Волжская.

— Я согласна.

Сахибджамал Гизатуллина-Волжская попала в труппу молодых актеров, где были Г. Кариев, В. Муртазин-Иманский, Р. Ахундов, А. Кулалаев и Н. Гайнуллин. И, конечно, Болгарский. Все они очень обрадовались приходу девушки-артистки, каждый старался помочь ей в овладении искусством сцены.

Труппа Кудашева-Ашказарского гастролировала по городам России и имела огромный успех у простого зрителя. Сахибджамал вначале было очень трудно обрести на сцене спокойствие. Критик, скрывавшийся под именем "Карт театры" ("Старый театрал"), подверг критике игру Гизатуллиной-Волж-

ской в спектакле “Предложение” по пьесе-переделке Чехова за неестественность движения и напряженность. Сама актриса на критику реагировала нормально: если тебя критикуют, чтобы ты играла лучше, то с этим надо соглашаться и стараться избегать неудач. Она долгими часами, оставшись наедине с собой, по нескольку раз повторяла сцены, в которых ей приходилось играть. И, наконец, добилась простоты и естественности. Вероятно, она тщательно изучала и игру актеров русского театра, в особенности во время гастролей Московского Художественного театра, о котором шла слава по всей России.

Примерно в 1908 году руководителем труппы “Сайяр” (“Странствующая”) вместо ушедшего Ильеса Кудашева-Ашказарского стал Габдулла Кариев. Вскоре в труппу были зачислены Зулейха Богданова и Гульсум Азимова, вышедшая замуж за Бари Болгарского и ставшая Гульсум Болгарской, впоследствии народной артисткой Татарстана. С появлением новых актрис более опытная Сахибджамал старалась лучше играть любую свою роль. Ей была безразлична судьба каждой героини. В одной из ярких ролей — проститутки Гайни в драме Г. Камала “Несчастный юноша” Волжская показала трагедию девушки, которую увидела не падшей женщиной, а жертвой жестокого времени. Грустные глаза Гайни говорили о том, что жизни у нее уже нет, хотя она была еще очень молодой...

Интересные роли актриса сыграла в пьесах Г. Камала “Распутство” (Серби) и “Жалкое дитя” (Шафика), Н. Везирова “Горе Фахретдина” — Сагодат...

Габдулла Тукай написал о Волжской:

*Лишь вышло солнце —
мир лучистый засверкал.
Так Гиззатуллина:
лишь вышла — счастлива зал.
Всевишний подарил им
равный блеск лучей,
Ему играть средь туч,
играть на сцене — ей.*

И Гиззатуллина-Волжская играла. Она создала ряд значительных образов, покорила зрителей многих городов. Героини ее были женщины, жаждущие счастья, бо-

рющиеся за него. Однако борьба эта оканчивалась для многих печально, трагически. Волжская утверждала право татарской женщины на свободу. Она тоже боролась за это и как художник, и как человек. Ведь ее появление на сцене было равносильно подвигу. Среди догматиков ислама театр считался богопротивным учреждением. Ни мусульманин, ни тем более мусульманка не имели права не только участвовать в театрализованных представлениях, но и посещать их. А стать артисткой значило совершить грехопадение. Именно такое святотатство, по мнению именитых мусульман Казани, совершила Сахибджамал. А обыватели полагали, что театр подобен публичному дому, и под словом “артист” подразумевалось самое низкое, самое позорное. На Гиззатуллину-Волжскую неоднократно и замахивались, и проклинали ее...

Своим горем она поделилась с Тукаем. Он вновь поддержал актрису, посвятив ей стихотворение: “Пусть топчут, бьют, но с чистой будь, несломленной душой”.

От Тукай Волжская ушла окрыленной. И хотя она знала, что гонения и издевательства будут продолжаться, твердо решила не отступать. Первую артистку действительно по-прежнему травили, даже покушались на ее жизнь. Посоветовавшись с Тукаем, она уехала в Уфу и организовала там вторую татарскую труппу — “Нур” (“Луч”). Актриса представляла всю рискованность своего замысла: ведь впереди была полная неизвестность. Требовалось собрать единомышленников, способных преодолеть любые трудности, создать репертуар, найти деньги. То есть начинать все сначала.

Но для чего все это?

Волжская ясно понимала, что театр — великая трибуна, с которой можно многое сказать людям. И она решилась!

Несколько актеров труппы “Сайяр” прибыли по ее приглашению, а в Уфе к ней присоединились местные любители театра. Что касается репертуара, руководитель труппы “Нур” считала нужным ориентироваться прежде всего на классику. Для себя Волжская избрала “Грозу” А. Островского и “Коварство и любовь” Ф. Шиллера, в которых сыграла с большим успехом роли Катерины и Луизы. По мнению очевидцев, Катерина Волж-

ской была похожа на обездоленную и забитую татарскую женщину, что стало ключом к актерскому успеху. Катерина оказалась близкой татарскому зрителю.

Через несколько лет “Нур” стала полноценным художественным организмом, в котором самобытно раскрылись не только актерские, но и режиссерские способности Волжской. Вместе со своим коллективом она исколесила весь Урал, побывала в Сибири и Средней Азии.

Шла гражданская война, и Сахибджамал Гиззатуллина-Волжская возглавила театральную труппу при политотделе Второй армии Восточного фронта. Ее труппа, как и многие военные театральные бригады, обслуживала отряды красноармейцев. Искусство актеров доставляло татарам на фронте истинное наслаждение: они впервые видели театральные представления, поэтому по-детски смеялись над комическими эпизодами и по-настоящему плакали над драматическими сценами. Особенно их волновала судьба несчастного Закира в спектакле “Несчастный юноша”, где роль Гайни, как и прежде, играла сама Волжская, теперь еще и режиссер.

Гиззатуллина-Волжская активно овладевала искусством режиссуры, у нее проявился и незаурядный педагогический дар. Она воспитала немало одаренных актеров, украсивших позднее татарскую сцену.

В начале двадцатых годов в Казани открылся Татарский государственный театр, названный именем Красного Октября. Волжская в то время жила и работала в Ижевске. В 1922 году она перебралась в Казань и поступила в театр. Но там тогда шла смена поколений. Режиссеры старались занимать на роли героинь красавицу Фатиму Ильскую, на роли молоденьких девушек приглашали обворожительную Галию Булатову, которая еще училась в театральном техникуме... Годы брали свое, и Сахибджамал-ханум решила навсегда покинуть сцену.

Отмечая двадцатилетие татарского театра, правительство республики первой присвоило почетное звание заслуженной артистки Татарстана первой татарской актрисе Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской.

Фото из архива автора.